

Неразделимо с народом

Выступление на проходящем в Москве VII съезде писателей РСФСР

В годы оклократического балагана уже многие задают себе вопрос: куда исчезает благословенное пламя, оставив после себя пепел? Неужели уродства революции способны затмевать вечную красоту и уродовать нас самих?

В эти новые времена крайне обостренных и униженных чувств пошатнулись твердые основы нашего существования и вместе с ними подставные декорации фальшиво заигравших свою роль свободы и гласности. Поэтому, пожалуй, редко кто из политиков испытывает героизм внутренней честности, чтобы вспомнить о печальной вселенской метафоре или о многомудрых поисках истины героями Толстого, Достоевского, Шолохова.

Первые и вторые петухи означают рассвет, трень — предательство; нашествие крыс несет опасность, угрозу и означает глухую безнадежность.

Всякая революционная смута убивает таланты. В годы общественных катастроф истину и красоту предаст молчание мещан и конформистов, молчание сторонних наблюдателей. Они в трусливом заискивании перед беззастенчивой силой несут над собой транспаранты: «Молчание — наше спасение и наше зная», — и уже невозможно отрицать, что обыватель — это «камень молчания», которым изощренные политики добивают свою жертву. И грядет пора благоденствия грызунов, триумф торжествующего правления обмана и диктатуры пошлости.

Один французский филолог, изучая фотографию молодого человека, сделанную накануне его казни, вдруг пронзительно ощутил: молодой человек должен завтра погибнуть и что он уже погиб. Это лицо было — в прошлом, будет — в завтрашнем, но его уже нет. Фотография как бы уже являла смерть в будущем.

Нет, современная литература еще не погибла, но она приблизилась или приближается к трагическому своему состоянию, то есть к дьявольской запутанности идей, стилей, героев нравственных доктрин, к жестокому смещению снобистского вкуса и гиньольской свирельи, т. е. к зломыслию. Она разгрызается, растаскивается, отравливается, заражается всеми возможными болезнями невиданного нашествия взбесившихся грызунов, острыми зубами уничтожающих все живое, вносящих опустошение в нашу жизнь. История России забросана смрадной грязью. Великая Отечественная война опоганена тыловыми трусами и зелеными юнцами из программ телевидения и еще более зелеными нигилистами из неистового «Московского комсомольца», нравственность втоптана в нечистоты резвыми лапками грызунов, забравшихся в редакторские кабинеты многочисленных разноцветных изданий. К телу нашей страны американскими патентованными гвоздями прибита чужестранная реклама «Sale» [seil] — распродажа.

Кто же они, предтечи растления? Кто они, развратители вкуса и морали? Кровососущие оводы, по «невежливому» выражению Льва Толстого? Творцы высокомерных и свирепых политических доносов в прессе на саму жизнь, доносов, подозрительно пахнущих каленым железом восемнадцатых и тридцатых годов, прайдных нечистой силы, распространяющей на наше прожитое и пережитое запах гнилости и перержитое запах гнилости, а ночью огненно-траурные плащи наемных убийц русской культуры?

К или иначе — многие уже не охватывают частного и целого, ближний с трудом понимает ближнего, никто полностью не уверен друг в друге, как не уверен в будущем. Никто уже не сознает, кто именно, какой пастырь нас ведет и куда, собственно, ведет? К познанию? К благу? К вратам рая? К дымящемуся краю бездны? К счаст-

ливому общеевропейскому дому?

Власть имущая пресса могуществом своих средств массового воздействия обманула народ золотыми посулами, румянами на большом лике Запада — и зло вошло в душу измученного советского человека сотнею нравственных чернубелей. И родная земля стала чуждой и зыбкой. Так называемая перестройка обратилась в борьбу всех против всех, каждый за себя, каждый для себя. Более того, в соитии анти-нравственной, утратившей невинность гласности с клеветой и вседозволенностью родился страшный младенец с обликом гражданской войны. Он уже сделал первые шаги, оставляя ужасающие следы крови. Не станет ли наша земля родиною неутешных скорбей и слез?

И все чаще и чаще мне представляется: в голом, выжженном пространстве белая, без травинки дорога, и одинокий испаленный радиоактивным солнцем путник бредет по ней с пустой сумой, спотыкаясь в пыли, бредет в никуда — это бедная моя, тысячу раз обманутая, ограбленная, будто из рая изгнанная и все-таки доверчивая Родина.

Пасынки исторической судьбы... — вот эту визитную карточку предлагает нам наша гласность уже сегодня.

Стоит ли сейчас говорить о чистой литературе, когда между языком и сознанием тайная полоса преступных воцелений политиканов, разноокрашенных групп, группок, группировок, домашних и забугорных гениев, взгроможденных ультра-радикалами на соломенные пьедесталы? Желает ли кто-нибудь писать «серебряной латынью» XIV века? Или же следует писать, уважая мировые традиции Достоевского, Толстого, Чехова? И наша политиканствующая критика дружно вскинула знамена, на которых бесхитростно угадывается обольстительно извергающий лозунг Гертруды Стайн: «Убить XIX век!» — и вдруг возник призрак некоего шалуна и импровизатора Ерофеева, наигравшего на трепетно-чутких к истине страницах «Литературной газеты» ритуал панихиды по советской литературе в ожидании вызвать восторженно-истерический вопль друзей и сорвать самозабвенный аплодисмент.

Разумеется, убить XIX век, его величие и немеркнущую традицию со всем ее опытом французской позитивистской и русской идеалистической философии и материализмом, со всем душевным и духовным сиянием, с красотой, верой, православием, прогрессом — невозможно, так как не хватит сил у озлобленных, совсем уж нехеспировских могильщиков похоронить и советскую литературу с ее есенинскими, шолоховскими, булгаковскими, платоновскими шедеврами, равных которым в XX веке едва ли сыщешь. И едва ли найдется честный священник, который решится на панихиду по лучшему, честному и совестиливому, что было писателями России создано в 50-х, 60-х, 70-х, 80-х годах в нашей словесности.

Так где же она, истина? Наша теория в яростной ненависти ко всему прошлому ушла на кладбище, занялась гробокопательством, возникли целые полчища «пожирателей трупов», и это новое перестроечное занятие стало неудержимым сладострастием. Деньги, запахи иностранных кассами, власть, возлюбившая политическую рыхлость, примитивная материя жадно пожрала дух — и появилось враждебное разделение, взаимочуждение в обществе, ненависть, национальные раздоры.

Долгожданная печать должна была взорвать ложь и фальшивую добродетель, не требуя ни наград, ни наказания, печать должна была стать символом антиутопии. За пять лет пресса добилась того, чего бессильна была осуществить самая оснащенная армия в Европе, пройдя в сороковых годах по нашим землям огнем и мечом. Пять лет пресса внушала плюралистическую разорванность

связей, манипулировала страстями политических амбиций, говорила дозу правды — сказав, тут же искажала ее историческими фелюстами, будоража умы миллионов читателей, после чего преподносил явление или факт, замазанный кровью и навозом, наконец, лавиной обрушивала на нашего доверчивого читателя тонны пошлости. И постепенно начала разламываться, распадаться связь душ, биография народа, трагическая и непопторимая, начали перерождаться понятия любви, добра, национального чувства, чести, справедливости.

Великим политиканам, жестоким и лукавым на пути к своей цели, дана способность овладевать людьми при помощи «сверхобъективной» отзывчивости и любвеобильности, наряженной в правду обещаний, действующих, точнее сладкий яд. Обещания — это то, что в сознании людей становится как бы их собственностью: продукты, квартира, машина, вещи, чистый воздух городов. Состояние сладкого обмана успокаивает сомнения людей, продлевает дремлющее терпение до тех пор, пока не иссякнет ожидание благ и надежда не изживет самою себя. Наступает коллапс. И тогда молчаливые поля и молчаливый народ полей, зажженные гневом, сбрасывают с себя усыпляющую пелену. Когда же огонь раздут, свет не может существовать без огня — и возникает ценная реакция, создающая страшные пожары, в которых сгорают тысячи жизней. Я твердо знаю: если бесам удастся разжечь национально-политический пожар в России, то в этом огне мы сгорим все.

Во время 9-го термидора было сказано французскими революционерами: «народ, уволенный в отставку». Слава богу, на площадях не стоят гильотины, головы жертв не скатываются в корзину. Но мы переживаем нечто похожее на «увольнение народа», только в либерально-запутанном, по-современному переворотом и вывернутом варианте, близком к безумию апокалиптического фарса, где правит и режиссирует бал некая элита, настоящее имя которой — ложь с человеческим лицом.

Меня страшит великое молчание, великое терпение и нечеловеческая доверчивость моего униженного сейчас советского народа, брошенного, как в пучину, еще в один мучительный эксперимент. Кто же это и кому дал право выбрать мой народ как подопытный биологический вид для смертоносных лабораторных опытов? Кто так безжалостно глумится над Родиной? Неужели в терпении своем мы потеряли чувство национального достоинства.

Только сейчас я полностью отдаю себе отчет в том, что наступшее нас всех время требует покончить с безумием развала, если мы не хотим, чтобы безумие покончило с нами давно испытанным палачами оружием: голодом, холодом, распытием целых народов.

Научить жизни может только сама жизнь. Начав с мечты о лебединой белизне, воля недомыслия вводит нас во мрак, и впотьмах мы приближаемся к границе другой земли, другой страны, других людей, чужих, недобрых. И все-таки самой высокой неофициальной властью была власть человеческого таланта — миллионы людей разных национальностей подчиняются ей добровольно. Слово — это откровение правды и отречение от правды. Что бы о нас ни говорили, наша сила в вере, надежде и объединении. Так что же — терпение к злу? Или борец со злом?

Только сейчас, мученически проходя через еще один исторический эксперимент, Россия особенно ясно поняла, что терпение и смирение бесплодны.

«И дерево ведь растет не для высоты, и не за листву, а за плоды его хвалы».

В эти тяжкие для России времена нам не на кого надеяться, мы должны помочь сами себе, быть рядом с народом, неразделимо с народом, быть кровной частицей его судьбы.